

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Сафин Л. Р. Исторический очерк правового регулирования наказаний, не связанных с изоляцией от общества по уголовному праву России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 1(59). С. 142–158. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-142-158.

Safin L. R. *Istoricheskiy ocherk pravovogo regulirovaniya nakazaniy, ne svyazannykh s izolyatsiyey ot obshchestva po ugolovnomu pravu Rossii* [A Historical Essay on the Legal Regulation of Punishments Not Involving Isolation from Society under Russian Criminal Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2023. Issue 1(59). Pp. 142–158. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-142-158.

УДК 343.241

DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-142-158

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАКАЗАНИЙ,
НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА
ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РОССИИ**

Л. Р. Сафин

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: Lenar.Safin@kpfu.ru

Поступила в редакцию 01.12.2022

Ведение: наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, традиционно отводится важное место в системе средств уголовно-правового воздействия в России. Автор следует концепции периодизации развития уголовного законодательства по рассматриваемой проблеме с опорой на содержание основных нормативных актов (правовых памятников), регламентирующих виды наказаний без изоляции от общества. В своем развитии они трансформировались от виры (в последующем – денежный штраф), потока и разграбления (получивших форму конфискации имущества) до принудительных работ (каторжных, исправительных, обязательных, альтернативных лишению свободы). Наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, представляют собой правоограничения (или их совокупность), оказывающие воздействие на разные стороны его статуса, включая ограничение свободы (ссылка, высылка) или трудовые либо имущественные права (исправительные, принудительные работы, штраф и др.). **Цель:** сформировать представление о природе и процессе правового регулирования наказаний, не связанных с изоляцией от общества по уголовному праву России на базе анализа научных источников, исторических памятников права, а также зарубежной литературы. **Методы:** сравнительно-правового и исторического анализа, описания, интерпретации; теоретические методы формальной логики и синтеза; системно-структурный метод; конкретизация; методы дедукции, индукции. **Результаты:** исходя из анализа научных комментариев, исторических памятников и зарубежной литературы, установлено, что в советский период трансформация совокупности наказаний, не связанных с изоляцией от общества, заключалась, прежде всего, в использовании общественных средств воздейст-

вия (общественное порицание). **Выводы:** правовой анализ проблемы выявил: шел постепенный отказ от рассматриваемого рода наказаний с сохранением штрафа, разнообразных видов работ принудительного характера (обязательных, исправительных, принудительных), конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера.

Ключевые слова: уголовный закон; наказание; изоляция от общества; ограничение или лишение прав; штраф; принудительные работы; мера уголовно-правового воздействия

A HISTORICAL ESSAY ON THE LEGAL REGULATION OF PUNISHMENTS NOT INVOLVING ISOLATION FROM SOCIETY UNDER RUSSIAN CRIMINAL LAW

L. R. Safin

Kazan Federal University

E-mail: Lenar.Safin@kpfu.ru

Received 01 Dec 2022

Introduction: *punishments not associated with isolation from society traditionally hold an important place in the system of criminal law measures. The author of this article adheres to the periodization concept according to which the development of criminal legislation on the discussed problem is divided into periods based on the content of the main normative acts (monuments of law) regulating such punishments. In the course of development, they transformed from vira (or wergeld, subsequently – a monetary fine), ‘putting to sack and pillage’ (which obtained the form of confiscation of property), to forced labor in its various forms (hard labor, correctional labor, compulsory labor, all alternative to imprisonment). Punishments not associated with isolation of the convicted person from society are restrictions of a right (or a combination of those) affecting different aspects of the convict’s status, including restrictions on freedom (exile, expulsion) or labor/property rights (correctional, compulsory works, fines, etc.).*
Purpose: *to form an idea of the nature and process of legal regulation of punishments not associated with isolation from society under the criminal law of Russia on the basis of analysis of scientific sources, historical monuments of law, and foreign literature.*
Methods: *comparative-legal and historical analysis, description, interpretation; theoretical methods of formal logic and synthesis; system-structural method; concretization, methods of deduction and induction.*
Results: *the analysis of scientific commentaries, historical monuments, and foreign literature showed that during the Soviet period, the transformation of the complex of punishments not involving isolation from society consisted primarily in the use of public means of influence (public censure).*
Conclusions: *the legal analysis revealed gradual abandoning of the type of punishments under discussion, with preservation of fines, various kinds of forced labor (obligatory, corrective, compulsory works), and confiscation of property as a supplementary measure of the criminal law nature.*

Keywords: criminal law; punishment; isolation from society; restriction or deprivation of rights; fine; compulsory works; criminal law measure

Введение

Определение соответствующих этапов развития российского уголовного законодательства является дискуссионной проблемой, причем имеются существенные различия в подходах к периодизации в историко-правовой [13] и уголовно-правовой литературе. Данный тезис под-

тверждается как содержанием настоящего исследования, так материалами зарубежных источников [55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 63], которые свидетельствуют о существовании поименованной проблемы и интересу к ней со стороны не только отечественных, но и иностранных авторов. Эти «различия, – пишет

Н. Ф. Кузнецова, – состоят не только во временных параметрах дифференциации, но и в их оценке, наглядней всего выраженной в озаглавлении этапов» [27, с. 142]. Если абстрагироваться от деталей, то можно выделить две принципиальные позиции, сложившиеся в последние десятилетия.

Сторонники первой позиции исходят из типа права, в основе которого лежит общественно-экономическая формация; представители второй – из правового акта, как правило, являющегося основным в уголовно-правовой сфере либо в той или иной степени кодифицированным.

Второй подход к периодизации истории уголовного законодательства России представляется более конструктивным, поскольку базируется на основе соответствующих нормативных актов. Так, Б. В. Волженкин и Н. М. Кропачев при установлении соответствующих периодов в развитии российского уголовного законодательства обращаются к важнейшим правовым памятникам, в которых содержится определенная совокупность уголовно-правовых норм. При этом авторы обоснованно замечают, что, хотя уголовное право по своему содержанию и шире законодательных актов, именно история законодательства дает достаточно точное и полное представление о возникновении, становлении и динамичном развитии уголовного права России, его исторической изменчивости, обусловленности рядом политических, экономических, социальных, идеологических, религиозных и культурных процессов, о направлениях уголовной политики относительно оснований криминализации деяний и их пенализации [43, с. 117]. В литературе также отмечается, что указанный критерий является более надежным признаком периодизации, так как в разные эпохи «в России зачастую действовал один и тот же правовой акт. Например, Русская Правда, являясь памятником XI века, т. е. периода древнерусского права, действовала практически до XV века, т. е. периода образования централизованного государства. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных также применялось как в период разложения крепостнического строя и развития капиталистических отношений, так и в последующие периоды, вплоть до появления социалистического права и даже в первые годы советской власти» [1, с. 5].

Русская Правда [47, с. 6], являясь первым кодексом уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в первой редакции (составленной под руководством Ярослава Мудрого в 1016 г.) не содержала норм иной отраслевой принадлежности, кроме уголовно-правовых. Считается, что отдельные нормы гражданского права появились только в Пространной Русской Правде (1072) [11; 29; 36; 46].

Термин «наказание» законодатель в Русской Правде не использует. Наряду с мезтью в ней говорится о вире и головничестве, продаже и уроке, потоке и разграблении. Мезть представляет собой возмездие за деяние, осуществляемое потерпевшим или его родственниками. Она утратила значение в связи с вступлением в силу Правды Ярославичей, заменившей ее денежными выкупами.

Штраф как вид наказания стоит рассматривать и с исторической точки зрения. Штрафом является взыскание денежных сумм, первоочередно в пользу потерпевшего (например, урок и головничество), а впоследствии и в пользу княжества (продажа, вира). Отметим, что данный вид наказания в Древней Руси имел экономическую подоплеку. Эта карательная система была двух видов: при совершении убийства штраф, взимаемый с виновного в пользу князя, носил название «вира»; в пользу родственников убитого лица – «головничество». Можно заключить, что штраф являлся формой возмездия, возмещения ущерба, а также экономической выгоды для государства, что в дальнейшем прочно укрепилось и сохранилось.

Вира – это денежный штраф за убийство свободного человека. При отсутствии ближайших родственников потерпевшего она могла быть обращена в отношении лиц, имевших право мстить за лишение жизни. Вира взималась с самого убийцы (головщина) или с общины (дикая вира).

К числу имущественных наказаний следует относить *продажу* и *урок*. Продажа производилась в пользу князя или лиц, осуществляющих правосудие, а урок выплачивался в пользу потерпевшего в связи с причинением вреда здоровью или унижением чести.

Поток и разграбление – наиболее строгие и достаточно неопределенные виды уголовно-правовых мер. Их содержание со временем менялось. Первоначально это были высылка

преступника из общины и конфискация имущества, позднее осуществлялась продажа преступника в неволю, а его имущество подвергалось разграблению.

Обсуждение

С течением времени изменялось не только право, но и правосознание: преступное деяние воспринималось обществом, помимо посягательства на интересы частного лица, как угроза государственной стабильности и правопорядку. Такие настроения дали толчок к изменению характера наказания, повышению степени ответственности за совершенные деяния. Так, в Двинской уставной грамоте (1397/1398) [35, с. 180] впервые была закреплена в качестве уголовного наказания смертная казнь [9; 10, с. 29; 16; 13, с. 14] и предусмотрен новый вид наказания – клеймение, именовавшееся тогда «пятнिति» (ст. 5).

Крупнейшим памятником права периода феодальной раздробленности на Руси является Псковская судная грамота (1462) [36, с. 321], где, в отличие от предыдущих актов, не упоминается в качестве наказания вира, уплачиваемая общиной (дикая вира).

В истории Руси XV век связывается с окончанием периода раздробленности и созданием единого национального государства. Требовались новые законы, одним из которых стал Судебник Ивана III, утвержденный в 1497 году [38, с. 346–373]; он стал первым кодексом Русского централизованного государства.

В литературе Судебник получил противоположные оценки [19, с. 37; 15, с. 62; 39; 8; 54, с. 8]. Возможно, это обусловлено тем, что примерно половина его статей представляли собой заимствования из предшествующих законодательных актов, например из Русской Правды, Псковской судной грамоты, иных уставных грамот. Во многом имеет место общее усиление карательных мер, присущее сословно-представительной монархии. Имущественные взыскания продолжают существовать в виде возмещения ущерба лицу, потерпевшему от преступления, однако какого-либо верховенства данные нормы не имеют. При этом законодатель начинает делать акцент на право телесной целостности, право на неприкосновенность, свободу и жизнь. В качестве наказания предусматривались два вида казни – смертная и

«торговая» (битье кнутом), регламентируются и денежные взыскания [31]. Судебник Ивана III называет конфискацию имущества в качестве наказания, которое является факультативным, применяемым к «лихим людям» (ст. 8, 39).

Судебник 1497 года стал основой для Судебника 1550 года [35, с. 97; 24, с. 231]. В нем предусмотрены три новых вида наказания: тюремное заключение, отрешение от должности и пеня. Из его содержания следует, что продажа перестает быть самостоятельным наказанием и заменяется тюремным заключением или поручкой (ст. 55). Определение вида наказания во многом зависело от оценки личности виновного. «Ведомый лихой человек» подлежал обязательной казни.

В Судебниках 1497 и 1550 годов отмечен еще один новый вид наказания, получивший широкое распространение, – торговая казнь. Карательная процедура реализовывалась путем нанесения виновному лицу ударов кнутом, количество которых определял суд, руководствуясь конкретными обстоятельствами содержания правонарушения [32, с. 60]. Исследователи отмечают, что торговая казнь производилась на площадях прилюдно. Безусловно, данная мера не отвечает принципам защиты прав телесной целостности личности, здоровья; более того, ущемляет честь и достоинство осужденного лица. Однако цель такой «показательной» процедуры отвечает цели системы наказаний в целом: устрашение, наглядный пример санкции и той участи, которая ожидает осужденного.

Социальный статус и служебное положение виновного лица имели значение при формировании системы наказаний. Так, согласно статье 4, дьяк, вынесший неправосудное решение ввиду получения взятки, обязан был возместить половину стоимости иска и подлежал тюремному заключению. В качестве еще одного примера приведем норму статьи 5, в которой указано, что лица, занимающие более низкие чины в аппарате суда (подьячий), за подобные преступления подвергаются торговой казни. Статья 7 Судебника 1550 года для высших, так называемых «именитых», чинов предусматривает особый вид наказания – «бытии от государя в опале», подразумевающий отказ от двора либо запрещение покидать двор.

В первой половине XVII в. активизируется законодательная деятельность Русского госу-

дарства, венцом которой стали разработка и принятие в 1649 г. Соборного уложения [33, с. 76–443]. Соборное уложение ставит в центр карательной политики казнь (торговую и смертную). Наказания за преступления против религии, государства и монарха отличаются особой жестокостью, впоследствии они только ужесточались. Формулируются новые виды наказаний в виде лишения свободы.

К. А. Сыч отмечает, что в условиях господства крепостного права свобода личности не могла составлять «годный объект» уголовно-правового воздействия, поэтому в большинстве своем она использовалась как объект лишь наряду с лишением личности других принадлежащих ей благ (чести, гражданских и политических прав, свободы трудовой деятельности) [41, с. 45]. Уложение, отмечают исследователи, содержало в себе норму, предусматривающую возможность привлекать осужденных, в том числе и ссыльных, к различного рода работам.

Уголовное законодательство России начала XVIII века продолжало преследовать цель устрашения и получения выгоды для государства: теперь наказания касались жизни, свободы, телесной целостности личности, а также трудовых прав и иных ценных благ. Примером служит Воинский артикул Петра I: концепт норм ориентирован на смертную казнь, сопровождающуюся особыми страданиями виновного лица (арт. 1, 3, 19, 20, 24, 97–99, 137–140, 154, 155, 160–163 и т. д.). Стоит отметить, что применение названной карательной меры напрямую зависело от характера совершенного деяния.

Помимо болезненных и членовредительских наказаний к осужденным применялись ограничение свободы в виде ссылки как на определенный, так и на бессрочный сроки, а также ссылка в каторжные работы (на галеры, строительство объектов) (арт. 167 и 170). Посредством ссылок в каторжные работы и на поселение государство пытается решить демографические, экономические задачи освоения окраинных территорий, разработки и добычи полезных ископаемых, организации строительства новых объектов [45, с. 61].

Доказательством популяризации и повсеместного применения ссылки в сочетании с каторжными работами может служить такой исторический памятник, как указ Екатерины II от

8 января 1765 года. Согласно Указу, свобода и трудовые права крепостных крестьян, «по дерзостному состоянию заслуживающих справедливое наказание», ущемлялись на усмотрение помещиков, путем реализации уголовной юрисдикции и ссылки крестьян на каторжные работы. Данное право было наиболее строгим из тех, что могли быть предоставлены помещикам в эпоху крепостного права в России [35, с. 449].

Вместе с тем штраф и конфискация имущества в качестве наказания не канули в лету: напротив, законодатель все чаще предусматривает данный вид карательной меры, не принимая, как правило, во внимание характер совершенного деяния. В отношении лиц, обладающих специальным правовым статусом военнослужащего, формулируется особая система наказаний. Так, согласно Воинскому артикулу Петра I, офицер мог быть отставлен от службы (арт. 71), лишен чина и достоинства (арт. 114–115, 128, 134), мог быть арестован у профоса (палача), переведен на службу в качестве рядового (арт. 11), подвергнут мере вычета из жалования (арт. 8, 100) [21].

XVIII век дополнил существующую карательную политику новыми видами, введя особо тяжелые меры, например шельмование. Шельмование состояло в процедуре лишения прав состояния, позорящей виновного: последствия заключали в себе лишение лица покровительства закона, что означало отсутствие ответственности для лиц, посягающих в будущем на виновного. Среди видов шельмования существовали: прибавление имени осужденного к виселице; если преступник являлся дворянином, то над ним преломлялась шпага. Осужденный также мог быть исключен из «общества честных людей». Еще одним видом особых наказаний были церковные, например публичное покаяние (толкование к арт. 1, 6, 8) [45, с. 63].

Проблемы совершенствования российского законодательства вообще и уголовного в частности особенно остро встали после формирования свода законов России 1833 г. «Из всех областей права, – пишет Н. С. Таганцев, – наиболее изменчивым является право уголовное: на понятиях о преступлении и наказании с наглядностью отражаются все политические и социальные перевороты народной жизни, и чем

быстрее развивается жизнь, тем быстрее совершаются эти реформы» [42, с. 105].

По форме и содержанию Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года представляло собой феодально-монархический акт, однако не охватывало уголовное законодательство всецело: помимо него вначале действовали Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года, Воинский устав о наказаниях 1869 года, а позднее еще и Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, содержащее специальный раздел о наказуемости деяний лиц, указанных в названии акта.

В большинстве норм Уложение регламентирует наказание [2, с. 34]. Ожидания его составителей заключались в том, чтобы, «во-первых, определить с точностью существо каждого наказания и относительную, по сравнению с другими, большую или меньшую тягость оно; во-вторых, установить во всех наказаниях несколько степеней таким образом, чтобы строгость каждого отдельного наказания могла быть по мере надобности увеличена или уменьшаема в известной постепенности и чтобы последняя степень была естественным переходом от одного наказания к другому...» [3]. Однако они не оправдались. Созданная лестница наказаний оказалась неудобной и громоздкой. Она сохраняла сословный характер наказуемости деяний и его главный атрибут – телесные наказания, неприменимые к классам, относящимся к привилегированным.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года отражает сложную, комплексную систему мер принуждения, состоящую из основных элементов наказаний – общих и факультативных (ст. 61), включая и особый вид наказаний за служебные правонарушения (ст. 65).

Особенностью этого законодательного акта была регламентация ссылки как вида наказания, который применялся не только в России. Однако с учетом географических условий страны ссылка с последующей изоляцией осужденного от общества была мерой, соответствующей решению определенных задач. Поэтому в числе основных наказаний назывались ссылка на каторгу и ссылка на поселение. Данная мера касалась не только государственных, но и общеуголовных нарушителей. В системе наказа-

ний Уложения 1845 года была выстроена некая иерархия: от воспрещения места жительства на определенной территории (как самая легкая форма) до водворения на длительный срок на территорию, определяемую самим государством. Условия, более или менее суровые, определяло также государство [2, с. 34].

При этом ставились четыре специальные цели: удаление осужденного из метрополии; колонизация незаселенной или малонаселенной территории; приобретение рабочей силы для извлечения какой-нибудь выгоды; перемещение преступников в новые, более удобные, с позиций законодателя, для исправления условия жизни. Из всего разнообразия применяемых форм ссылки к преступникам за преступления применялись ссылка на поселение (ст. 22–23), ссылка на каторгу (ст. 21).

Обязательным дополнительным наказанием, по Уложению 1845 года, выступало лишение прав. По объему правопоражения различались три его вида: 1) лишение всех прав состояния; 2) лишение всех особенных прав и преимуществ; 3) лишение некоторых прав и преимуществ. Впоследствии виновное лицо было лишено сословных, политических, имущественных и даже семейных – супружеских и родительских – прав. Само содержание избираемых ограничений находилось в зависимости от правового статуса осужденного, что делало такие ограничения неравномерными для других лиц различных сословий. Можно сделать вывод о том, что вид наказания был неразрывно связан с общественным положением конкретного лица [2].

В этот период продолжают широко прибегать к телесным наказаниям, как заменяющим лишение свободы, – розгам. Они же применялись для осуществления дисциплинарного воздействия на осужденных.

Особого внимания достойно и то обстоятельство, что Уложение о наказании 1845 года становится актом, впервые регламентировавшим в российском уголовном праве замену денежных взысканий иным видом карательной меры, если осужденный признан несостоятельным. Так, денежное взыскание свыше 15 рублей могло быть заменено арестом на 3 дня и более, а долг, равный 100 тыс. рублей, заменялся лишением свободы на 5 лет. Еще одной мерой, допускаемой в качестве замещения денеж-

ного взыскания, являлось привлечение осужденных к общественным работам. Указывается, что крестьяне и мещане отправлялись на такие работы принудительно, а лица других сословий могли выразить добровольное желание. Уложением 1845 года допускался вариант, когда имущественный долг погашался частично, а его оставшаяся часть могла быть заменена соразмерными сроками заключения или общественных работ – день общественных работ приравнивался 15 копейкам штрафа. Подобную замену назначал мировой судья при исключительном условии наличия связи с сельским обществом, которое должно исполнить это наказание.

Анализ пояснительной записки редакционной комиссии к статье 8 Устава о наказаниях показал, что применение меры общественных работ обусловлено частыми случаями имущественной несостоятельности осужденных к штрафу лиц. Содержание всех осужденных под арестом потребовало бы большего количества помещений и, по меньшей мере, лишало бы страну рабочей силы [44, с. 42–43].

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года содержал перечень дополнительных наказаний, часть из которых носила церковный характер, среди них – внушение от духовного лица и церковное покаяние. Иные дополнительные наказания касались достоинства личности и реализовывались путем публикации сведений об осуждении в столичной и губернской прессе; имущественные меры заключались в конфискации всего или части имущества; трудовые подразумевали запрет заниматься прежним ремеслом, промыслом. Отметим, что высылка за границу могла быть назначена в качестве дополнительного наказания только в отношении иностранных граждан, что прямо указано в статьях 58, 75 и 209 настоящего Уложения.

Статья 65 Уложения устанавливает такие особые виды наказаний, как: исключение из службы, отрешение от должности, вычет времени из службы, удаление от должности и перемещение с высшей должности на низшую. Особые наказания, как правило, назначались лицам, совершившим проступки по должности и службе [44, с. 45].

На рубеже XIX – XX веков экономика России испытывала существенные изменения. Процесс сращивания банковского капитала с

промышленными монополиями получил старт во время его централизации. Если передовой промышленный и финансовый капитал можно назвать бочкой меда, то помещичье землевладение и пережитки крепостничества могут олицетворять каплю дегтя в этой бочке: такое неравенство породило как экономическое, так и социальное неравенство. В 1881 году началась разработка нового уголовного кодекса. Император Александр III указал в напутствиях, что, создавая новый уголовный кодекс, особое внимание комиссии следует обратить на «области посягательств на государство и его строй», так как «изменились средства и приемы, отчасти и самое направление преступной деятельности, в силу чего постановления Уложения 1845 г. оказались несоответствующими новым формам скопищ и сообществ, недостаточными для борьбы с социально-революционной пропагандой» [12, с. 23–238].

Проект Уложения был утвержден 22 марта 1903 года [22]. Однако в Указе Николая II было сказано, что срок введения нового Уложения в действие будет определен позже особым Высочайшим (т. е. императорским) указом. При этом важно отметить, что Уголовное уложение в полном объеме не действовало никогда.

Законом от 7 июня 1904 года введены в действие главы, содержащие нормы об ответственности за посягательство на власть: «О бунте против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и членов Императорского дома» (гл. 3), «О государственной измене» (гл. 4), «О смуте» (гл. 5). С 1906 года введена в действие глава 2 «О нарушении ограждающих веру постановлений» [34, с. 240].

В тот период обострилось соперничество классической и социологической школ уголовного права. Считается, что в этом нормативном акте возобладали идеи классического направления [43, с. 142]. Уложение 1903 года сохранило многообразие видов правоограничений, более детально определяя объем, сроки, характер и содержание таких правоограничений для конкретного вида наказаний. Свобода виновного лица продолжает оставаться преобладающей формой воздействия. Система наказаний все больше начинает зависеть от специального правового статуса субъекта и его профессиональных качеств (ст. 22), от половозрастных

признаков (ст. 56–58), практически не возвращаясь к социальному статусу осужденного. Прослеживается существенное упрощение системы видов уголовных наказаний.

В послереволюционное время предпринимались попытки подготовить новое Уголовное уложение [6]. Правовое регулирование все же осуществлялось путем издания декретов и постановлений. Так, в 1918 году были приняты Руководящие начала уголовного права, базисом которых выступила социологическая школа уголовного права. Идея зафиксировать в документе положения, коренным образом изменяющие характер наказания, родилась в умах составителей Начал. Такое предложение было обусловлено желанием отречься от подхода к уголовным репрессиям, некогда установленным в уголовном праве дореволюционного периода [52, с. 94; 17, с. 27; 4, с. 445]. Авторы выступали против признания наказания возмездием за преступление, отвергали его жестокие и мучительные формы.

Наказания, согласно положениям Руководящих начал 1918 года, – это меры принудительного воздействия власти, направленные на обеспечение порядка общественных отношений от нарушителей последнего (ст. 7). Главной задачей наказания выступала охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений (ст. 8). Пути решения поставленной задачи законодатель видел следующие: если лицо уже совершило преступные действия, то его необходимо приспособить к общественному порядку; в случае отказа от такого приспособления виновного надлежит изолировать, в исключительных же случаях – физически уничтожить.

Руководящие начала 1919 года содержали лишь перечень примерных видов наказаний. При этом к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, относились: а) внушение; б) выражение общественного порицания; в) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения); г) объявление под бойкотом; д) исключение из объединения на время или навсегда; е) восстановление, а при невозможности его – возмещение причиненного ущерба; ж) отрешение от должности; з) воспреещение занимать ту или другую должность

или исполнять ту или другую работу; и) конфискация всего или части имущества; к) лишение политических прав; л) объявление врагом революции или народа; м) принудительные работы без помещения в места лишения свободы; н) объявление вне закона; о) расстрел, п) сочетание названных видов наказания.

Таким образом, можно сказать, что, согласно статье 25 Руководящих начал, осужденный мог ограничиваться в следующих правах:

– имущественных – посредством применения конфискации всего или части имущества; восстановления либо возмещения причиненного ущерба;

– трудовых – в случаях отрешения от должности; воспреещения занимать ту или иную должность или исполнять ту или другую работу; принудительных работ без помещения в места лишения свободы;

– чести и достоинства – посредством выражения общественного порицания; объявления врагом революции или врагом народа;

– политических прав – при внушении; объявлении под бойкотом; исключении из объединения на время или навсегда; лишении политических прав;

– права на личную свободу – при принуждении к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения); отбывании наказания в виде лишения свободы на определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события (окончания гражданской войны, построения социализма);

– жизни – посредством расстрела [40, с. 108].

В литературе отмечается, что штраф был одной из наиболее распространенных мер наказания в 1917–1919 гг. Так, во второй половине 1918 г. суды Москвы подвергли штрафу 56,9 % всех осужденных [49, с. 49].

Главная задача Уголовного кодекса РСФСР 1922 года заключалась в правовой защите трудящихся от преступлений и общественно опасных элементов путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты (ст. 5). Уголовный кодекс РСФСР 1922 года привнес новизну: из перечня наказаний исключены внушение, объявление вне закона, объявление под бойкотом, объявление врагом революции и народа. На смену пришли новые виды

наказаний, например изгнание из пределов РСФСР; узаконен штраф; включено условное осуждение. Смертная казнь также была исключена из Уголовного кодекса 1922 года.

В УК 1922 года впервые в советской истории перечень наказаний стал исчерпывающим. Последующее расширение предусмотренного Кодексом списка наказаний становилось исключительной прерогативой законодателя. Важно подчеркнуть, что УК 1922 года стал единственным советским кодексом, который не закреплял каких-либо исключений в применении смертной казни ни в отношении женщин, ни в отношении несовершеннолетних. В УК 1922 года не предусматривалось пожизненное лишение свободы.

В этом уголовном законе прослеживаются некоторые идеи социологической школы (о социальной защите). В дореволюционное время одним из ее ярких представителей был профессор Казанского университета А. А. Пионтковский, вклад которого в российскую уголовно-правовую науку представляется недооцененным. В числе влиятельных представителей обычно называется проф. И. Я. Фойницкий [23, с. 486]. Между тем благодаря научным изысканиям А. А. Пионтковского в российской законодательство было введено условное осуждение и условное освобождение. Изменение подходов логично затронули сферу наказания.

В УК РСФСР 1922 года впервые в отечественной истории нормативно закрепляются меры социальной защиты. В статье 5 УК используется формулировка «наказание или другие меры социальной защиты», однако, согласно статье 46 этого закона, меры социальной защиты – это самостоятельные меры уголовно-правового принуждения, которые подлежали применению либо при замене наказания, либо следовали за ним. Кроме того, наказание и меры социальной защиты отличались друг от друга и по основаниям назначения: первое применялось при совершении преступления; вторые – в связи с особым состоянием или характеристиками лица, совершившего преступление. В последнем случае особое внимание уделялось степени социальной опасности личности. Она проявляла себя через совершение лицом действий, вредных для общества, или занятие деятельностью, которая представляет угрозу

для общественного порядка (ст. 7). Наказание и меры социальной защиты преследовали одинаковые цели: а) общее предупреждение новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений (ст. 8). Наличие карательной цели не было отражено в этом УК.

Штраф, включенный в систему наказаний, определялся в УК как «денежное взыскание, налагаемое судом на осужденного в пределах, установленных отдельными статьями Уголовного кодекса в соответствии с имущественным положением осужденного» (ст. 39). В определении суммы штрафа приоритетным считался классовый подход. Так, Н. К. Полянский отмечал: «...высокие ставки штрафа рассчитаны преимущественно на лиц, принадлежащих к нетрудовым элементам» [28, с. 87]. Что касается трудящихся граждан, то, во избежание трансформации штрафа в фикцию, для данной категории лиц штраф назначался соразмерно средствам осужденного и не мог быть большим. Кроме того, высокий штраф относительно дохода лица привел бы к разорению его хозяйства и не отвечал бы критерию смягчения наказания, коим является штраф.

В УК 1922 года осужденный к наказанию в виде изгнания лишался права пребывания на территории РСФСР на срок или бессрочно. В новом качестве сохранилось наказание в виде возложения обязанности загладить причиненный вред. Осужденный должен был личными усилиями, точно указанными в приговоре, устранить последствия правонарушения или возместить причиненный потерпевшему ущерб (ст. 45).

В УК 1922 года конкретизируется содержание наказания в виде поражения в правах. Оно могло состоять в лишении на срок до 5 лет активного и пассивного избирательного права; активного и пассивного избирательного права в профессиональных и других организациях; права занимать ответственную должность, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем и опекуном; по особому постановлению суда – в лишении ордена Красного или Трудового знамени (ст. 40, 41).

В этот период возникает институт *исправительных работ* как вид уголовного наказания. Один из выдающихся выпускников юрфака Казанского университета А. А. Пионтковский (мл.) в связи с этим указывал, что еще в период военного коммунизма принудительные работы без содержания под стражей являлись наказанием, выдвинутым в процессе революционного правотворчества суда [26, с. 90]. Об этом писал позже П. Г. Мишунин: «Применение исправительно-трудовых работ так же, как и многих других видов наказания, сначала было выработано судебной практикой, а затем твердо воспринято советским уголовным законодательством» [20, с. 208]. Они могли быть назначены на срок от 7 дней до 1 года. Их содержание составляло: 1) виновный мог продолжать заниматься своей профессией с изменением условий труда (понижением по тарифному разряду, обязательными сверхурочными работами, переводом в другое учреждение или другую местность) либо 2) направлялся на работы неквалифицированного физического труда (ст. 35). Иными словами, на тот момент исправительные работы не были наделены имущественным компонентом.

Считается, что имущественный характер исправительные работы приобрели с делением на виды (по месту работы или службы и по указанию органов, ведающих исправительными работами) [5, с. 4; 7, с. 8]. Однако в УК 1922 г., а затем и ИТК РСФСР 1924 г. оговаривался порядок применения исправительных работ, где содержались существенные отличия от предыдущих нормативных актов. Так, осужденным было предоставлено право выбора вида и места работы по своему усмотрению, они могли выполнять ту работу, которая соответствовала их специальности и не была связана с тяжелой и неприятной для них работой.

Принудительные работы как мера уголовной ответственности имеют свою собственную историю. Впервые «принудительные работы без помещения в места лишения свободы» были указаны в праве в 1917 году. В источниках отмечается: «Принудительные работы как мера наказания вводятся в советское уголовное законодательство почти вслед за организацией судебной и судебно-исполнительной системы и сразу же этому наказанию как мере, призванной путем воздействия сыграть большую роль в

деле перевоспитания преступника, предоставляется значительное место в общей системе карательных мер» [14, с. 127]. Уже в 1918 году к ним было приговорено 3,8 % всех осужденных. Еще в постановлении Совета рабочей и крестьянской обороны от 25 декабря 1918 г. «О дезертирстве» отмечалось, что к принудительным работам сроком до 5 лет приговариваются укрыватели дезертиров (п. 6)¹.

В соответствии с декретом ВЦИК от 15 апреля 1919 года «О лагерях принудительных работ», исполнение этого наказания подвергалось изменениям и были созданы указанные лагеря. Порядок их деятельности регламентировался постановлением ВЦИК от 17 мая 1919 года «О лагерях принудительных работ»². К концу 1919 года функционировал 21 лагерь, к концу 1921 года – 122 лагеря. Это позволило достаточно широко применять данное наказание в практике уголовного преследования. Так, если в 1919 году к этому наказанию было приговорено 8 % всех осужденных, то в 1920 – 23 %; в 1921 – 28 %; в 1922 г. – 38 % [25, с. 27]. Чаще всего к крупным проектам, направленным на становление и индустриализацию народного хозяйства с целью оптимизации экономического потенциала государства, привлекались осужденные. Такая модель применения уголовно-правовых мер оправдывала себя при решении экономических задач государства. Подобная практика развивалась и в дальнейшем, путем привлечения виновного к обязательному труду на стройках народного хозяйства в качестве уголовного осуждения.

Заключение

До образования СССР советские республики самостоятельно разрабатывали и принимали акты уголовного законодательства, различия между которыми были минимальными и в некоторой степени отражали национальную специфику. Первым общесоюзным актом стали Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года³.

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918 г. № 99. Отдел первый.

² ВЦИК от 17 мая 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 12, ст. 124.

³ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик: утв. постановлением ЦИК СССР от 31 окт. 1924 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1924. № 24, ст. 204.

В них формулировались цели уголовно-правовых мер борьбы с преступностью, были закреплены полный отказ от понятия «наказания» и его замена понятием «мера социальной защиты». Последние применялись с целью: а) предупреждения преступлений; б) лишения общественно опасных элементов возможности совершать новые преступления; в) исправительно-трудового воздействия на осужденных. В законодательстве СССР и союзных республик отсутствуют задачи: меры социальной защиты изначально должны отвечать критерию целесообразности и исключать цель причинения физических страданий лицам, а также унижение человеческого достоинства.

Основные начала 1924 года предусматривают три вида мер социальной защиты: а) меры судебно-исправительного характера; б) меры медицинского характера; в) меры медико-педагогического характера. Определялась система видов наказаний с характеристикой условий применения каждого из них. Перечень наказаний был дополнен некоторыми новыми видами наказаний: объявление врагом трудящихся, ссылка и др. Здесь же регламентированы виды и порядок применения мер социальной защиты медицинского и медико-педагогического характера.

А. Я. Эстрин писал: «Отказ от понятия наказания не означает простой терминологической замены слова “наказание” словами “меры социальной защиты”. В этом отказе выразился разрыв советского уголовного права со старыми, проникнутыми юридическим фетишизмом уголовно-правовыми построениями» [51, с. 712]. Согласимся с мнением М. Д. Шаргородского о том, что корень изменений лежит в стремлении законодателя сделать акцент на отказе от наказания как возмездия; здесь оказала влияние на ученых-составителей Уголовного кодекса 1926 года социологическая школа уголовного права [48, с. 25].

УК РСФСР 1926 года является первым и единственным советским Уголовным кодексом, который не оперирует понятием наказания, хотя эта мера включалась в число судебно-исправительных. Такой подход основывался на изменении концептуальных основ уголовного права и политикой отказа от «буржуазной» терминологии. В то же время замена понятий не сопровождалась изменением их содержания.

УК 1926 года также предусматривает три вида мер социальной защиты: судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера. Цели их применения остались по сути неизменными (ст. 9 УК).

В УК РСФСР 1926 года установлены 14 видов мер социальной защиты судебно-исправительного характера (ст. 20), которые классифицированы на основные и дополнительные (ст. 23), а также исключительная мера – расстрел (ст. 21).

В 1958 году принимаются Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. На содержании Основ уголовного законодательства отразился ряд новых тенденций. Так, здесь перечень видов наказаний начинается с наиболее мягких (например, общественное порицание) и заканчивается мерой в виде лишения свободы. Смертная казнь по-прежнему остается высшей мерой наказания, применяемой при тяжких преступлениях рассматриваемого периода (например, измена родине, диверсия, бандитизм, шпионаж, умышленное убийство, совершенное с отягчающими обстоятельствами). Учеными-правоведами справедливо отмечено, что многообразие видов наказаний, не связанных с лишением свободы, прямо отражает принцип гуманизма в системе наказаний. Применение ссылки и высылки исключало эти меры к несовершеннолетним и беременным женщинам, на иждивении которых находились дети в возрасте до восьми лет. Утратили свою актуальность и были исключены такие виды наказаний, как объявление врагом народа, поражение в правах и изгнание с территории СССР. Конфискация имущества сохранила свои позиции и назначалась только за государственные и тяжкие корыстные преступления в конкретно-определенных случаях (ст. 30).

Новый Уголовный кодекс РСФСР был принят 27 октября 1960 г. и введен в действие с 1 января 1961 г. УК 1960 года разделил все виды наказания на три группы. К первой группе относились основные наказания, которые могли назначаться в качестве единственного самостоятельного вида: лишение свободы, исправительные работы без лишения свободы, общественное порицание и направление в дисциплинарный батальон.

Вторую группу составили наказания, которые могли назначаться только в качестве дополнительных. К ним законодатель отнес конфискацию имущества и лишение воинского или специального звания. Это было нововведение.

В третью группу включены наказания, которые могли назначаться как в качестве основных, так и в качестве дополнительных видов: ссылка, высылка, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штраф, увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред.

Наказание в виде общественного порицания заключалось в публичном его выражении судом. В необходимых случаях сделанное порицание доводилось до сведения общественности через печать или иным способом (ст. 33 УК 1960 г.).

Из мер ограничения трудовых прав осужденных стоит отметить: исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, увольнение с должности. Срок назначения исправительных работ без лишения свободы составлял, как правило, от двух месяцев до двух лет. Исправительные работы отбывались по месту жительства виновного лица либо по месту работы. Из заработной платы осужденного могли быть удержаны денежные средства в размере от 5 до 20 % от получаемой суммы, что отражало имущественный характер карательной меры (ст. 27). Кроме того, исправительно-трудовое законодательство устанавливало в качестве дополнительного правоограничения лишение права увольнения с работы без специального разрешения, отказ в получении очередного отпуска. Период наложенных правоограничений или время, проведенное на исправительных работах, не засчитывались в общий трудовой стаж, что автоматически лишало лицо права на получение льгот по заработной плате и соответствующих надбавок [18, с. 69]. Можно сделать вывод о том, что в некоторой степени данные меры также имеют имущественный характер принуждения. Исключения могли составлять показатели добросовестной работы и примерного поведения, что не вызывало сомнения в исправлении осужденного лица и подтверждалось ходатайством обще-

ственной организации или трудового коллектива, где осужденный отбывал исправительные работы.

В последующие годы в доктрине устоялось мнение о том, что мера исправительных работ потеряла свою актуальность, в связи с чем ее необходимо упразднить. Речь шла о двух основных видах таких работ в указанный период: отбывание работ по месту работы осужденного (наиболее применимо для лиц, имеющих постоянное место работы) и отбывание в иных местах территории места жительства осужденного, устанавливаемых специализированным органом (относилось зачастую к лицам, которые не могут самостоятельно устроиться на работу) [53, с. 100–101].

Увольнение от должности (ст. 31) и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 29) не были тождественны, поскольку содержание и основания избрания этих видов наказаний различны. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью являлось срочной мерой, назначаемой от 1 года до 5 лет в случаях совершения преступлений по должности или при осуществлении определенной деятельности. Решение о признании невозможности оставить осужденного на занимаемой должности, по статье 31 УК РСФСР, напротив, предполагало единовременное исполнение и принималось судом независимо от выполняемых лицом трудовых функций и их связи с характером совершенного деяния. Виновный мог быть уволен с любой занимаемой на момент осуждения должности, к которой совершенное деяние и не имело отношения, либо ему по приговору запрещалось работать в должности, занимая которую осужденный совершил преступление.

Конфискация, производимая принудительно и безвозмездно, лишаящая виновное лицо всего или части имущества, назначалась в рассматриваемый период только за государственные и тяжкие корыстные преступления (ст. 35). Что касается штрафа как меры наказания, то его регламентация была менее конкретизирована в нормах действующего уголовного законодательства: ни Общая, ни Особенная части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года не определяли размер взыскания, указывая лишь на то, что он зависит от тяжести совершенного пре-

ступления с учетом имущественного положения виновного (ст. 30).

Наказание в виде возложения обязанности загладить причиненный вред несло в себе различные по характеру обременения (трудовые, имущественные, личные), такие как непосредственное устранение вреда своими силами; возмещение материального ущерба своими средствами; публичное извинение перед потерпевшим или членами коллектива в форме, устанавливаемой судом. Если размер причиненного ущерба превышал 100 руб., возмещение производилось в порядке гражданского судопроизводства [45, с. 89].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года является последним кодексом советского периода, применявшим ссылку как меру, ограничивающую право личности на свободу передвижения и определения места жительства. При избрании меры в виде ссылки или высылки лицу надлежало удаление из места его жительства на срок от двух до пяти лет. Стоит учесть, что высылаемые виновные лица обязаны были поселиться в определенной местности с обязательным на ней трудоустройством, тогда как высылаемые лица, напротив, получали запрет на проживание в указанных областях (ст. 25, 26).

Библиографический список

1. *Агузаров Т. К., Чуцаев А. И.* Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX в.). Исторические очерки. М., 2011. 224 с.
2. *Алексеев В. И.* Нормативное регулирование уголовных наказаний по Уложению о наказаниях 1845 года // История государства и права. 2005. № 1. С. 34–36.
3. *Блудов Д. Н.* Общая объяснительная записка к проекту Нового уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1844. 60 с.
4. *Бошко В. И.* Очерки развития правовой мысли (от Хаммураби до Ленина). Киев, 1925. 572 с.
5. *Бушуев И. А.* Исправительные работы. М., 1968. 200 с.
6. *Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чуцаев А. И.* Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под ред. А. И. Чуцаева. М., 2015. 240 с.
7. *Гуськова В. А., Пономарев С. Н., Хохлов П. К.* Правовое регулирование исполнения наказания в виде исправительных работ. Рязань, 1981. 63 с.
8. *Добротвор Н.* О Судебниках 1497 и 1550 гг. // Судебники Русского государства. Горький, 1939. 56 с.
9. *Жильцов С. В.* Смертная казнь в истории России. М., 2001. 464 с.
10. *Загоскин Н. П.* Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. 103 с.
11. *Исаев М. М.* Уголовное право Киевской Руси // Ученые труды ВИЮН. 1946. Вып. 8. С. 153–176.
12. История государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. М., 2005. 546 с.
13. История отечественного государства и права: в 2 ч. / под ред. О. И. Чистякова. М., 1997. Ч. 1. 434 с.
14. История советского уголовного права. М., 1947. 321 с.
15. *Калачов Н. В.* О Судебнике царя Иоанна Васильевича // Юридические записки. М., 1841. Т. 1. С. 47–160.
16. *Кистяковский А. Ф.* Исследование о смертной казни. Тула, 2000. 207 с.
17. *Козловский М. Ю.* Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 21–28.
18. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю. Д. Северина. М., 1984. 528 с.
19. *Михайлов М.* История русского права. СПб., 1871. 262 с.
20. *Мишунин П. Г.* Очерки по истории советского уголовного права. (1917–1918 гг.). М., 1954. 231 с.
21. *Муфтиев Р. Г., Сидоркин А. И.* Военские наказания в русском праве XVI – начале XX в. Уфа, 2008. 202 с.
22. *Наумов А. В.* История создания и общая характеристика Уголовного уложения 1903 г. // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1993. № 5. С. 28–32.
23. *Наумов А. В.* Российское уголовное право: курс лекций: в 2-х т. Т. 1: Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М., : Юрид. лит., 2004. 496 с.
24. Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956. Вып. 4 632 с.
25. *Пертли Л. Ф.* Принудительные работы и их исполнение в России и иностранных государствах // Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ. М.; Рязань, 2012. С. 25–33.
26. *Пионтковский А. А.* Уголовное право РСФСР. Общая часть. М., 1924. 235 с.
27. *Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева.* СПб., 2008. Т. 1. 1133 с.

28. Полянский Н. К. К вопросу о наказании штрафом // Право и жизнь. 1925. № 9–10. С. 79–88.
29. Попов А. Русская Правда в отношении к уголовному праву. М., 1884. 121 с.
30. Псковская судная грамота, составленная на Вече 1467 году. Одесса, 1847. 18 с.
31. Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. 288 с.
32. Рожнов А. А. Уголовное право Московского государства (XIV–XVII вв.). Ульяновск, 2007. 172 с.
33. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1985. Т. 3. 512 с.
34. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1994. Т. 9. 352 с.
35. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1985. Т. 2. 520 с.
36. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство Древней Руси: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. 432 с.
37. Российское законодательство X–XX веков. М., 1987. Т. 5. 528 с.
38. Судебник 1497 г. // Памятники русского права. Вып. 3 / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. С. 339–416.
39. Сыромятников Б. Очерки истории суда в древней и новой России // Судебная реформа / под ред. И. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. М., 1915. С. 16–180.
40. Сырых В. М. История государства и права России. Советский и современный периоды. М., 1999. 488 с.
41. Сыч К. А. Опыт системного исследования уголовного наказания: дис. ...д-ра юрид. наук. Рязань, 2001. 408 с.
42. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. 380 с.
43. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. 1064 с.
44. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями / сост. Н. С. Таганцев. СПб., 1902. 571 с.
45. Фирсова А. П. Объект уголовно-правового воздействия. Ульяновск, 2008. 227 с.
46. Хачатуров Р. Л. Русская Правда. Тольятти, 2002. 159 с.
47. Хачатуров Р. Л. Источники права. Тольятти: Изд-во «ТолПи», 1997. Вып. 3. 90 с.
48. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. 160 с.
49. Швеков Г. В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. 297 с.
50. Шишов О. Ф. Смертная казнь в истории Советского государства // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 97–130.
51. Энциклопедия государства и права: в 3 т. / под ред. П. И. Стучка. М., 1927. Т. 3. 784 с.
52. Эстрин А. Я. Развитие советской уголовной политики. М., 1933. 244 с.
53. Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1968. 255 с.
54. Юшков С. В. Судебник 1497 г. (к внешней истории памятника). Саратов, 1926. 46 с.
55. Gurinskaya A., Gilinskiy Ya., Nalla M. K. Crime and punishment in Russia – an introduction // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 2017. Vol. 41, Issue 3: Crime and Justice in Russia. Pp. 109–111.
56. Berman H. J. Principles of Soviet Criminal Law // The Yale Law Journal. 1947. Vol. 56, Issue 5. Pp. 803–836.
57. Daly J. Crime and Punishment in Russia: A Comparative History from Peter the Great to Vladimir Putin. The Bloomsbury History of Modern Russia Series. London: Bloomsbury Academic, 2018. 405 p.
58. Feldbrugge F. J. M. A History of Russian Law: From Ancient Times to the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649. Leiden, The Netherlands: Brill Nijhoff. 2017. 980 p.
59. Grzybowski K. Soviet Criminal Law Reform of 1958 // Indiana Law Journal. 1960. Vol. 35, Issue 2. Pp. 125–142.
60. Horder J. Ashworth's Principles of Criminal Law (10th edn). Oxford University Press, 2022. 555 p.
61. Kollmann N. Sh. Criminal Justice in Early Modern Russia // Crime, Histoire & Sociétés = Crime, History & Societies. 2017. Vol. 21, Issue 2. Pp. 155–171.
62. Sychenko E. The History of Forced Labour in Soviet Russia // SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences. 2013. Issue 2. Pp. 8–18.
63. Thaman S. C. Comparative Criminal Law and Enforcement: Russia // Encyclopedia of Crime and Justice / ed. Joshua Dressler. 2001. Vol. I. Pp. 207–218.

References

1. Aguzarov T. K., Chuchaev A. I. *Ugolovno-pravovaya okhrana vlasti (XI – nachalo XX v.)*. *Istoricheskie ocherki* [Criminal Law Protection of Power (11th – early 20th centuries). History Essays]. Moscow, 2011. 224 p. (In Russ.).
2. Alekseev V. I. *Normativnoe regulirovaniye ugovolnykh nakazaniy po Ulozheniyu o nakazaniyakh 1845 goda* [Normative Regulation of

Criminal Punishments under the Penal Code of 1845]. *Istoriya gosudarstva i prava* – History of State and Law. 2005. Issue 1. Pp. 34–36. (In Russ.).

3. Bludov D. N. *Obshchaya ob'yasnitel'naya zapiska k projektu Novogo ulozheniya o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh* [General Explanatory Note to the Draft of the New Penal Code]. St. Petersburg, 1844. 60 p. (In Russ.).

4. Boshko V. I. *Ocherki razvitiya pravovoy mysli (ot Khammurabi do Lenina)* [Essays on the Development of Legal Thought (from Hammurabi to Lenin)]. Kiev, 1925. 572 p. (In Russ.).

5. Bushuev I. A. *Ispravitel'nye raboty* [Correctional Labor]. Moscow, 1968. 200 p. (In Russ.).

6. Gracheva Yu. V., Malikov S. V., Chuchayev A. I. *Sovetskoe ugovolnoe ulozhenie (nauchnyy kommentariy, tekst, sravnitel'nye tablitsy)* [Soviet Criminal Code (Scholarly Commentary, Text, Comparative Tables)]. Ed. by A. I. Chuchayev. Moscow, 2015. 240 p. (In Russ.).

7. Gus'kova V. A., Ponomarev S. N., Khokhlov P. K. *Pravovoe regulirovanie ispolneniya nakazaniya v vide ispravitel'nykh rabot* [Legal Regulation of Execution of a Punishment in the Form of Correctional Labor]. Ryazan, 1981. 63 p. (In Russ.).

8. Dobrotvor N. *O Sudebnikakh 1497 i 1550 gg.* [On the Codes of Laws of 1497 and 1550]. *Sudebniki Russkogo gosudarstva* [Codes of Laws of the Russian State]. Gorky, 1939. 56 p. (In Russ.).

9. Zhil'tsov S. V. *Smertnaya kazn' v istorii Rossii* [The Death Penalty in the History of Russia]. Moscow, 2001. 464 p. (In Russ.).

10. Zagoskin N. P. *Ocherk istorii smertnoy kazni v Rossii* [Essay on the History of the Death Penalty in Russia]. Kazan, 1892. 103 p. (In Russ.).

11. Isaev M. M. *Ugovolnoe pravo Kievskoy Rusi* [The Criminal Law of Kievan Rus]. *Uchenye trudy VIYuN* – Scientific Proceedings of the All-Union Institute of Legal Sciences. Moscow, 1946. Issue 8. Pp. 153–176. (In Russ.).

12. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii* [History of State and Law of Russia]. Ed. by Yu. P. Titov. Moscow, 2005. 546 p. (In Russ.).

13. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava*. [History of the Home State and Law: in 2 pts.]. Ed. by O. I. Chistyakov. Moscow, 1997. Ч. 1. 434 p. (In Russ.).

14. *Istoriya sovetskogo ugovolnogo prava* [The History of Soviet Criminal Law]. Moscow, 1947. 321 p. (In Russ.).

15. Kalachov N. V. *O Sudebnike tsarya Ioanna Vasil'evicha* [On the Code of Laws of Tsar Ivan Vasilyevich]. *Yuridicheskie zapiski* [Legal Notes]. Moscow, 1841. Vol. 1. Pp. 47–160. (In Russ.).

16. Kistyakovskiy A. F. *Issledovanie o smertnoy kazni* [A Study on the Death Penalty]. Tula, 2000. 207 p. (In Russ.).

17. Kozlovskiy M. Yu. *Proletarskaya revolyutsiya i ugovolnoe pravo* [The Proletarian Revolution and Criminal Law]. *Proletarskaya revolyutsiya i pravo* – The Proletarian Revolution and Law. 1918. Issue 1. Pp. 21–28. (In Russ.).

18. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Ed. by Yu. D. Severin. Moscow, 1984. 528 p. (In Russ.).

19. Mikhaylov M. *Istoriya russkogo prava* [The History of Russian Law]. St. Petersburg, 1871. 262 p. (In Russ.).

20. Mishunin P. G. *Ocherki po istorii sovetskogo ugovolnogo prava (1917–1918 gg.)* [Essays on the History of Soviet Criminal Law (1917–1918)]. Moscow, 1954. 231 p. (In Russ.).

21. Muftiev R. G., Sidorkin A. I. *Voinskie nakazaniya v russkom prave XVI – nachale XX vv.* [Military Punishments in Russian Law in the 16th – Early 20th Centuries]. Ufa, 2008. 202 p. (In Russ.).

22. Naumov A. V. *Istoriya sozdaniya i obshchaya kharakteristika Ugolvnogo ulozheniya 1903 g.* [History of the Creation and General Characteristics of the Criminal Code of 1903]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo* – Moscow University Bulletin. Series 11. Law. 1993. Issue 5. Pp. 28–32. (In Russ.).

23. Naumov A. V. *Rossiyskoe ugovolnoe pravo. Kurs lektsiy* [Russian Criminal Law. Course of Lectures. In 2 vols.]. 3rd ed., rev. and exp. Moscow, 2004. Vol. 1. *Obshchaya chast'* [General Part]. 496 p. (In Russ.).

24. *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian Law]. Ed. by L. V. Cherepnin. Moscow, 1956. Issue 4. 632 p. (In Russ.).

25. Pertli L. F. *Prinuditel'nye raboty i ikh ispolnenie v Rossii i inostrannykh gosudarstvakh* [Forced Labor and Its Enforcement in Russia and Foreign Countries]. *Organizatsiya ispolneniya ugovolnogo nakazaniya v vide prinuditel'nykh rabot* [Organization of Execution of Criminal Punishment in the Form of Forced Labor]. Moscow, 2012. Pp. 25–33. (In Russ.).

26. Piontkovskiy A. A. *Ugovolnoe pravo RSFSR. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the RSFSR. General Part]. Moscow, 1924. 235 p. (In Russ.).

27. *Polnyy kurs ugovolnogo prava* [A Complete Course of Criminal Law. In 5 vols.]. Ed. by A. I. Korobeev. St. Petersburg, 2008. Vol. 1. 1133 p. (In Russ.).

28. Polyanskiy N. K. *K voprosu o nakazanii shtrafom* [On the Question of the Penalty of a

Fine]. *Pravo i zhizn'* – Law and Life. 1925. Issue 9–10. Pp. 79–88. (In Russ.).

29. Popov A. *Russkaya Pravda v otnoshenii k ugolovnomu pravu* [Russian Pravda in Relation to Criminal Law]. Moscow, 1884. 121 p. (In Russ.).

30. *Pskovskaya sudnaya gramota, sostavlenaya na Veche v 1467 godu* [The Pskov Judicial Charter Composed at the Veche of 1467]. Odessa, 1847. 18 p. (In Russ.).

31. Rogov V. A. *Istoriya ugolovnogo prava, terrora i repressiy v Russkom gosudarstve XV–XVII vv.* [History of Criminal Law, Terror and Repressions in the Russian State in the 15th–17th Centuries]. Moscow, 1995. 288 p. (In Russ.).

32. Rozhnov A. A. *Ugolovnoe pravo Moskovskogo gosudarstva (XIV–XVII vv.)* [Criminal Law of the Moscow State (14th–17th Centuries)]. Ulyanovsk, 2007. 172 p. (In Russ.).

33. *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. In 9 vols.]. Moscow, 1985. Vol. 3. 512 p. (In Russ.).

34. *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. In 9 vols.]. Moscow, 1994. Vol. 9. 352 p. (In Russ.).

35. *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. In 9 vols.]. Moscow, 1985. Vol. 2. 520 p. (In Russ.).

36. *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. In 9 vols.]. Moscow, 1984. Vol. 1. 432 p. (In Russ.).

37. *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9 t.* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. In 9 vols.]. Moscow, 1987. Vol. 5. 528 p. (In Russ.).

38. *Sudebnik 1497 g.* [The Code of Laws of 1497]. *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian Law]. Ed. by L. V. Cherepnin. Moscow, 1955. Issue 3. Pp. 339–416. (In Russ.).

39. Syromyatnikov B. *Ocherki istorii suda v drevney i novoy Rossii* [Essays on the History of Courts in Ancient and Modern Russia]. *Sudebnaya reforma* [Judicial Reform]. Ed. by I. V. Davydov, N. N. Polyanskiy. Moscow, 1915. Pp. 16–180. (In Russ.).

40. Syrykh V. M. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii. Sovetskiy i sovremennyy periody* [History of the State and Law of Russia. Soviet and Modern Periods]. Moscow, 1999. 488 p. (In Russ.).

41. Sych K. A. *Opyt sistemnogo issledovaniya ugolovnogo nakazaniya: diss. ...d-ra jurid. nauk* [The Experience of a Systematic Study of Criminal Punishment: Dr. jurid. sci. diss.]. Ryazan, 2001. 408 p. (In Russ.).

42. Tagantsev N. S. *Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii. Chast' Obshchaya.* [Russian Criminal Law. Lectures. Part General. In 2 vols.]. Moscow, 1994. Vol. 1. 380 p. (In Russ.).

43. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Russia. General Part]. Ed. by N. M. Kropachev, B. V. Volzhenkin, V. V. Orekhov. St. Petersburg, 2006. 1064 p. (In Russ.).

44. *Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami* [Statute on Penalties Imposed by Magistrates]. Comp. by N. S. Tagantsev. St. Petersburg, 1902. 571 p. (In Russ.).

45. Firsova A. P. *Ob'ekt ugolovno-pravovogo vozdeystviya* [The Object of Criminal Law Influence]. Ulyanovsk, 2008. 227 p. (In Russ.).

46. Khachaturov R. L. *Russkaya Pravda.* Tolyatti, 2002. 159 p. (In Russ.).

47. Khachaturov R. L. *Istochniki prava* [Sources of Law]. Tolyatti, 1997. Issue 3. 90 p. (In Russ.).

48. Shargorodskiy M. D. *Nakazanie, ego tseli i effektivnost'* [Punishment, Its Purposes and Effectiveness]. Leningrad, 1973. 160 p. (In Russ.).

49. Shvekov G. V. *Pervyy sovetskiy ugolovnyy kodeks* [The First Soviet Criminal Code]. Moscow, 1970. 297 p. (In Russ.).

50. Shishov O. F. *Smertnaya kazn' v istorii Sovetskogo gosudarstva* [The Death Penalty in the History of the Soviet State]. *Smertnaya kazn': za i protiv* [The Death Penalty: Pros and Cons]. Moscow, 1989. Pp. 97–130. (In Russ.).

51. *Entsiklopediya gosudarstva i prava* [Encyclopedia of State and Law in 3 vols.]. Ed. by P. I. Stuchka. Moscow, 1927. Vol. 3. 784 p. (In Russ.).

52. Estrin A. Ya. *Razvitie sovetskoy ugolovnoy politiki* [The Development of Soviet Criminal Policy]. Moscow, 1933. 244 p. (In Russ.).

53. *Effektivnost' ugolovno-pravovykh mer bor'by s prestupnost'yu* [Effectiveness of Criminal Law Measures to Combat Crime]. Moscow, 1968. 255 p. (In Russ.).

54. Yushkov S. V. *Sudebnik 1497 g. (k vneshney istorii pamyatnika)* [Code of Laws of 1497 (on the External History of the Monument)]. Saratov, 1926. 46 p. (In Russ.).

55. Gurinskaya A., Gilinskiy Ya., Nalla M. K. *Crime and Punishment in Russia – an Introduction. International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice.* 2017. Vol. 41. Issue 3. Pp. 109–111. (In Eng.).

56. Berman H. J. Principles of Soviet Criminal Law. *The Yale Law Journal.* 1947. Vol. 56. Issue 5. Pp. 803–836. (In Eng.).

57. Daly J. *Crime and Punishment in Russia: A Comparative History from Peter the Great to Vladimir Putin.* The Bloomsbury History of

Modern Russia Series. London: Bloomsbury Academic, 2018. 405 p. (In Eng.).

58. Feldbrugge F. J. M. *A History of Russian Law: From Ancient Times to the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649*. Leiden: Brill | Nijhoff, 2017. 980 p. (In Eng.).

59. Grzybowski K. Soviet Criminal Law Reform of 1958. *Indiana Law Journal*. 1960. Vol. 35. Issue 2. Pp. 125–142. (In Eng.).

60. Horder J. *Ashworth's Principles of Criminal Law*. 10th ed. Oxford University Press, 2022. 555 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Л. Р. Сафин, кандидат юридических наук, доцент,
ректор

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

61. Kollmann N. S. Criminal Justice in Early Modern Russia. *Crime, Histoire & Sociétés / Crime, History & Societies*. 2017. Vol. 21. Issue 2. Pp. 155–171. (In Eng.).

62. Sychenko E. The History of Forced Labour in Soviet Russia. *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2013. Issue 2. Pp. 8–18. (In Eng.).

63. Thaman S. C. Comparative Criminal Law and Enforcement: Russia. *Encyclopedia of Crime and Justice*. Ed. by J. Dressler. 2001. Vol. I. Pp. 207–218. (In Eng.).

About the author:

L. R. Safin

Kazan Federal University

18, Kremlyovskaya st., Kazan, 420008, Russia